

СТАТУС ЖЕНСКОГО В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Колиева Ирина Анатольевна

Аспирантка кафедры философии и социологии Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна,
Днепропетровск, Украина

В статье рассматриваются вопросы теоретического обоснования статуса женского в постмодернистском дискурсе феминистской философии. Особое внимание уделяется проблемам интерпретации философских категорий пола и гендера как компонентов дискурсивного поля идентичности. Анализируются попытки решить проблему пол VS. гендер как оппозиции женщина VS. мужчина.

Ключевые слова: субъективация, дискурс, пол, гендер, природа, культура, идентичность.

У статті розглядаються питання теоретичного обґрунтування статусу жіночого у постмодерністському дискурсі феміністської філософії. Особлива увага приділяється проблемам інтерпретації філософських категорій статі і гендера як компонентів дискурсивного поля ідентичності. Аналізуються спроби вирішити проблему стать VS. гендер як опозиції жінка VS. чоловік.

Ключові слова: суб'єктивація, дискурс, стать, гендер, природа, культура, ідентичність.

The article deals with the problems of the theoretical study of the feminine status in the postmodern discourse of the feminist philosophy. Special attention is paid to the problems of the interpretation of the philosophical categories of sex and gender as the components of the discursive field of the identity. The article

considers the attempts to analyze the problem of sex VS. gender as the opposition «woman VS. man».

Key words: subjectivity, discourse, sex, gender, nature, culture, identity.

В последнее время в философских исследованиях можно отметить все возрастающее стремление ученых, – особенно тех, которые занимаются гендерными вопросами, – дать сущностное определение женской субъективации как явлению, которое самым непосредственным образом отражает все многообразие философского дискурса постмодернизма.

Следует отметить, что вопросы, связанные с определением человеческой сущности как основы классической идеи субъекта, всегда вызывали огромный интерес у исследователей гендера, поскольку, по мнению ученых, сама идея субъективации должна быть переосмыслена с точки зрения как постмодернизма, так и гендера. Однако между феминистской теорией и постмодернизмом существуют серьезные разногласия в вопросах репрезентации важнейшей категории философского дискурса – категории «субъект». Постмодернизм, по мнению исследовательниц-феминисток, определенным образом подрывает важные аспекты феминистской мысли, тем самым ставя под сомнение возможность существования стабильного субъекта, целостного «Я» вне зависимости от пола как ключевого понятия феминистской теории и гендерных исследований [1, с. 14.].

Исследуя классический субъект, философы-феминисты отмечают важность идей, выдвинутых С. де Бовуар в ходе разработки концепции женщины, а именно, идеи о том, что, во-первых, женщина не является субъектом в той же мере, что и мужчина, а, во-вторых, что женщина – это «Другой», «Иной» в мире, который функционирует с точки зрения маскулинных требований и запросов [2]. В своей знаковой работе «Второй пол», исследовательница впервые обозначает понятие женской субъективности с помощью концепта трансцендентного. Бовуар пишет, что

утвердить свою трансцендентную позицию «Другого» женщине мешает мужчина, который стремится превратить «Другую»-женщину в свой «объект для потребления» [2, с. 58.]. Выход из сложившейся ситуации философ-экзистенциалист видит в реверсе дихотомии мужское/женское путем утверждения своего «Я» и превращения мужчины как «Другого» в объект.

Ученые отмечают, что экзистенциалистская концепция женской субъективности де Бовуар отличается от ранее существовавших феминистских концепций в теоретическом обосновании статуса женского в культуре. По мнению де Бовуар, проблема зависимости женщин лежит на уровне индивидуальной психологии и индивидуального бессознательного, следовательно, не стоит акцентировать внимание только на социально-экономических и политических аспектах вопроса. Философ утверждает, что, только тщательно исследовав и проанализировав бессознательное человека, можно ставить вопрос о статусе женского в культуре.

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является утверждение многих исследователей гендера о том, что недопустимым упрощением было бы рассмотрение «субъективности» женщин в устойчивых или постоянных терминах (Г. Спивак, Дж. Батлер, Т. Чантер, и др.).

Говоря о женской субъективации, исследователи не могут обойти стороной вопросы, связанные с категориями пола и гендера. В феминистских исследованиях понятие «женщины» оказывается довольно противоречивым, поскольку, по мнению философов, в различных исторических контекстах пол не всегда согласованно и последовательно конституируется [3, с. 103.]. Значительные сложности связаны также с тем, что пол пересекается с расовыми, классовыми, этническими, сексуальными и прочими модальностями дискурсивно конституированных идентичностей (работы С. Бем, Ю. Кристевой, Г. Спивак и др.).

Как отмечают исследовательницы, дискуссии по поводу значения термина «гендер» как ключевого понятия феминистской философии отображают основные поворотные моменты в женском движении

прошедших лет [4]. Расширение значения термина «гендер» до ассоциации конкретных типов поведения с женщинами или мужчинами означало на ранних этапах развития феминизма, по мнению исследователей, прямую зависимость гендерных отличий от социальных, а не биологических факторов. В начале 80-х годов прошлого столетия в противовес общепринятому утверждению о том, что неизменные физические отличия укрепляют социальные отличия, американская исследовательница Э. Джаггер поставила под сомнение идею четкого разделения между природой и культурой [5].

Говоря об отличиях между «полом» и «гендером» исследователи рассматривают несколько проблем. Одной из проблем является утверждение о данности категории «пола», на который не влияет общественная практика. Наряду с этим утверждением исследователи выдвигают тезис о том, что все «биологические» или «природные» отличия между женщинами и мужчинами созданы искусственно обществом, и, следовательно, могут быть с легкостью изменены. В конце 80-х – начале 90-х годов многие исследователи говорили о нецелесообразности идеи отличий между терминами «пол» и «гендер», поскольку «пол» сам по себе является социальной составляющей и неотъемлемой частью гендера. По мнению некоторых исследователей, пол можно рассматривать как вполне нормативную сферу, поскольку нет никакой реальной разницы между полом и гендером, составляющими часть дискурсивного поля, созданного совокупностью того, что привычно носит название «идентичность» [6]. Известный американский философ Дж. Батлер утверждает, что существует параллель между тем, как мы думаем о поле, и тенденцией приспосабливать или постулировать женщину как основную и неизменную, придуманную или дискурсивную категорию [7]. Пол считают природной, биологической и телесной особенностью, необусловленной политикой или культурой. Однако, по мнению Батлер, пол определяется особым характером утверждений, вовлеченных в феминистический дискурс, который сам не является свободным от гетеросексуальных, расовых и

классовых предрассудков, которые способствуют структурированию и поддержке статус-кво, против которого феминизм выступает сам, но с которым феминизм все еще связан [7].

Дж. Батлер ставит под вопрос правомерность разделения на пол и гендер, говоря о гендере как о неминуемом и распространенном императиве. Исследовательница поднимает проблему количества полов и количества гендеров. Батлер спрашивает, почему нет третьего пола для фемининных мужчин и четвертого пола для маскулинных женщин. Вопросы, связанные с гермафродитизмом, также до сих пор не получили ответа [8]. Аргументация Батлер связана с тем, что представление о гендере как «социокультурной конструкции сексуальности» исходит из того, что существует «тело» или «сексуальность» как таковые, т.е. нечто, что предшествует конструкции, тело как «*tabula rasa*». В своей аргументации она опирается, прежде всего, на труд Мишеля Фуко «История сексуальности», в котором он показал, как наше понимание мужского и женского тела опосредовано социокультурно. Батлер, как представляется, пытается решить проблему с разделением на пол и гендер, т.е – природу и культуру – путем отрицания этого разделения [8]. Концепция Дж. Батлер была принята далеко не всеми исследователями гендера. Наиболее неприемлемым показалось многим стирание границы между природой и культурой. Противоречивые отклики, которые до сих пор вызывают вопросы пола и гендера показывают, что гендерная дискуссия по-прежнему актуальна в снятии оппозиции «культура-природа» как «мужчина-женщина».

Особый интерес в данном вопросе представляет анализ расхождений в концепциях французских философов Л. Иригарэ и М. Фуко. В своих работах Л. Иригарэ говорит о существовании только одного пола, мужского [9], в то время как М. Фуко выдвигает тезис о том, что категория пола есть результат производства сексуальности [10]. По мнению авторитетных ученых, женщину нельзя постичь, имея в арсенале только модель субъекта в условной системе репрезентаций западной культуры, поскольку женщина

представляет собой «фетиш репрезентации и поэтому не может быть презентабельна как таковая» [11, с. 219.]. Женщина – это «различие», которое нельзя понимать как «Другой» мужского субъекта, женщина – это «своего рода отклонение в монологической разработке маскулинного» [11, с. 219.].

Интересным представляется концепция французской исследовательницы М. Виттиг, с которой согласны и многие украинские исследователи гендера, о том, что идентификация женщины с полом означает соединение женщины с телом, а, значит, отказ женщине в свободе и самостоятельности [11, с. 220.]. М. Виттиг считает, что, разрушение категории пола означает разрушение атрибута, и это разрушение необходимо для приобретения женщинами статуса универсального субъекта, «поэтому пол должен занять место человека» и «нет другого пола, кроме женского» [12].

Исследователи настаивают: для того, чтобы решить поставленные проблемы, необходимо, прежде всего, разрушить двойственность, бинарность мышления как на уровне пола и гендера, так и на уровне маскулинного и феминного. Общеизвестно, что принятые в обществе и культуре представления о женственности и мужественности выступают как модели взаимодействия человека – мужчины или женщины – с другими людьми. Проблема состоит в том, что зачастую традиционное мышление приобретает гипертрофированный характер и порождает определенное мифотворчество, и тогда мужчина становится уже не только представителем «сильного пола», но и носителем лучших человеческих качеств, а современная женщина предстает как «жертва половой войны», которая никак не может определиться с выбором между любовью и карьерным ростом [13]. Следует попутно отметить, что в гендерных исследованиях последних лет делается попытка деконструировать оппозицию между мужчиной и женщиной, между культурным и природным, между публичным и частным как мужским и женским, правда с учетом традиционных патриархатных моделей социокультурного взаимодействия. Однако теперь во главу угла

ставится вопрос о значениях, которые приписывались и приписываются различиям между мужчинами и женщинами.

Во многих работах, написанных в течение последних десятилетий, при анализе различия между полом и гендером большое внимание уделяется конституирующей форме организации общества и культуры. Поскольку культуре в традиционном дуалистическом мышлении всегда отводилась – и отводится – более значимая роль, то на основании так часто утверждаемой близости женщины к природе происходит имплицитное умаление ценности женщин. Также важно, что деятельность женщины относится к менее значимой приватной сфере, в то время как продуктивная, созидаящая культуру деятельность возможна лишь в общественной сфере, которую представляет мужчина. Таким образом, исследователи демонстрируют с помощью найденного различия между полом и гендером, почему, несмотря на культурные различия в деятельности мужчин и женщин, статус женщины в любой культуре всегда ниже [14, с. 43].

Теоретики отмечают, что различие между полом и гендером, как некий аналог соотношения «природа VS. культура», было направлено против последствий «поляризации характеров», обосновывающей иерархическое соотношение полов, исходя из «разделения разумной личности на мужскую и женскую личности, обладающие различными квалификациями, но одновременно с тем являющимися гармоническими личностями в духе идеалов Просвещения» [14, с. 43]. Последнее привело к тому, что различные половые роли рассматривались как проявление «естественных» качеств мужчин и женщин и тем самым легитимировались. Но проблема, как указывают ученые, является более сложной и неоднозначной. Например, нельзя не принимать во внимание то обусловленное культурой многообразие значений, которое приписывается биологически заданным различиям понятий «фемининность» и «маскулинность». Критика «естественных», «природно-заданных», биологически детерминированных концептов женственности и мужественности касается, по мнению исследователей, не

самого факта различия, – и в этом отношении гендер не приравнивается к сексуальным различиям, – критика не касается того, что в каждом обществе есть различия между мужчинами и женщинами. Для понимания гендера важно отграничить этот концепт от многовековой «философии полов», важно акцентировать отказ от биологически определяемых половых предписаний. Но еще более важным, по мнению философов, является «требование понять, что интерпретационная история различия полов, которая первой предприняла попытку конституировать соотношения полов, сама является частью «социального конструирования реальности» [14, с. 51].

Современные теоретики феминизма акцентируют внимание на том факте, что в сегодняшней постмодерной ситуации понятие «гендер», приобретая все большее значение в социуме, должно рассматриваться на равных с такими понятиями как «раса», «нация», «этнос» и «класс». Ученые переосмысливают соотношение природы и культуры, идущее параллельно с различием пола и гендера. Некоторые авторы отказались от терминов «женщина»/«мужчина» как от вводящих в заблуждение ярлыков, закрепляющих и скрывающих непостоянные, разнообразные реальности, на анализ которых ученые претендуют. И хотя в массовом сознании нормативные мужские и женские свойства по-прежнему выглядят альтернативными и взаимодополняющими, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим [11]. В этом контексте эссенциалистский подход к пониманию проблемы пола в качестве оппозиции «культура/природа» представляется ошибочным и устаревшим, как и убеждение в том, что «мужское» и «женское» существуют в качестве природного, жестко детерминированного и неизменного.

Список использованных источников

1. Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – 440с.
2. Бовуар С. де. Второй пол. – М., СПб. : «Прогресс», «Литера», 1997. – 832 с.
3. Кухаренко Н.Н. Гендерное неравенство и субъект феминистских политик.//Новые направления политической науки. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 100-106.

4. Nicholson L. Gender and History. – New York: Columbia University Press, 1988. – 238 p.
5. Jaggar A.M. Feminist Politics and Human Nature. – Totowa, NJ: Rowman and Littlefield Publishers, 1988. – 416 p.
6. Chanter T. Gender: Key Concepts in Philosophy. – Bloomsbury Academic. – 2007. – 184 p.
7. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge and Kegan Paul, 2006. – 272 p.
8. Butler J. Undoing Gender. – New York: Routledge, 2004. – 273 p.
9. Irigaray L. This Sex Which is Not One. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1985. – 222 p.
10. Фуко М. История сексуальности-II: Использование удовольствий. – Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 396с.
11. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии: Монография. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
12. Wittig Monique. The Lesbian Body. – Boston: Beacon Press, 1986. – 165 p.
13. Танцоров И. Деньги или любовь. Жертвы половой войны. – М.: Алгоритм, 2011. – 320 с.
14. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. – М.: РГГУ, 2009. – 530 с.